

В. ЕРМИЛОВ

ГОРЬКИЙ—БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 47

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1941

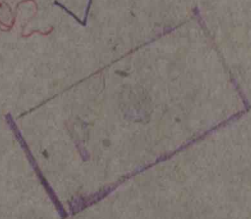
РФМ 55931

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

755931

99 02 ✓

08

08

11

В. ЕРМИЛОВ

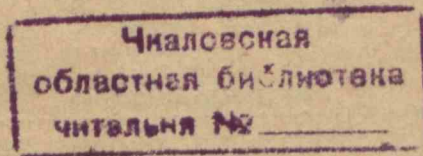
8P2 (002)
Е 73

ГОРЬКИЙ—БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

55931

ПРОВЕРЕНО

Издательство „Правда“
Москва — 1941

РФМ 55 931

8Р2 (092)

Е73

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство «Правда»

Изд. № 848

А43567

Заказ 2556

Тираж 150 000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм.

1 1/2 п. л.

Знаков в печ. л. 43.200

Цена 20 коп.

Подписано к печ. 26/VIII 1941 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Суцеская, 21.

ГОРЬКИЙ — БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

В творчестве Горького выражены лучшие черты русского национального характера.

Сила, мужество, выносливость, богатейшая одаренность нашего народа; нестигаемая воля к свободе, к свету, страстная любовь к родине; великая вера в человека, в его разум, в его счастье; уважение к людям другой национальности, к их достоинству, — эти качества русского народа нашли великолепное воплощение в произведениях, в жизни, во всем облике Горького, одного из гениев русской литературы.

Германский и итальянский фашизм цинично противопоставляет этому бандитское презрение к людям. Он добывается ничем не ограниченной власти своих диктаторов-атаманов над всеми народами земного шара, чтобы убить человеческий разум и душу. Фашизму ненавистна вся мировая культура. Он стремится вытравить из памяти людей самую мысль о возможности радости и сча-

стью. Единственная радость, доступная фашистским выродкам — это наслаждение ненавистью к людям, злобная радость мучительства. Фашизм стремится утвердить царство вечной ночи на земле. Он хочет бросить все человечество в фашистскую помойную яму.

(Такова сумасшедшая мечта Гитлера и Муссолини, сверхбандитов, называющих себя «сверхчеловеками». Если бы взбесившиеся от злости и страха крысы умели не только кусать, но и говорить, то они, конечно, говорили бы словами Гитлера и Муссолини.

Наш Горький, боец за счастье народа, стоял на передовой линии борьбы против фашизма. Еще тогда, когда фашизм пробирался к власти в Германии, Горький бил по его звериной морде. За год до «коронования» Гитлера Горький опубликовал статью «О «солдатских идеях»:

«Фашизм Италии мечтает о власти Рима над миром, Гитлер проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством...» — и нет слов, чтобы выразить, до чего все это нищенски гнусно, как это бессмысленно и противно. Муссолини находит, что никогда еще «народы» не жаждали так страстно «сильной власти». Что же это за «сильная» фашистская власть? Горький определил ее, как власть «дураков в коронах набекрень и со свинцовыми мозгами под черепом».

Но эта власть свинцовых мерзавцев — «бред и агония смертельно больного. Художники слова, изображая умирающих, часто заставляют их вспоминать прошлое, картины детства и юности... Ах, если бы можно было перестроиться на феодальный лад! Вот к чему сводятся основные «солдатские идеи» фашизма!» (статья «О «солдатских идеях», 1932).

Великий русский писатель Горький был и любимым писателем всего прогрессивного человечества. Ничто не вызывало в нем такой ненависти, как «расовые» выдумки фашизма. Испытывая омерзение, он заставлял себя знакомиться с содержанием фашистских погромных листов, чтобы приковать внимание всех культурных людей к фашистской опасности. Сущность фашизма, писал Горький, — «с наивным цинизмом дикаря высказывал в газете Гитлера «Фолькшпер беобахтер» некто Альфред Розенберг». Статейка Розенберга была написана по поводу приговора тогдашнего, дофашистского германского суда, над пятью фашистами, которые замучили и убили поляка в Бейтине. Убийство «было совершено так садически отвратительно», что даже запуганный фашистскими громилами суд «приговорил убийц к смерти». Правда, под влиянием угроз гитлеровских молодчиков, приговор был смягчен. Горький приводит цитату из статейки Альфреда Розенбер-

га, одного из воротил нынешней фашистской Германии:

«Приговор обнаружил глубокую бездну между нашим мышлением и либерализмом. Господствующее либеральное право утверждает: человек равен человеку... Пять осуждены на смерть за то, что они убили поляка, который к тому же был большевиком, — приговор суда противоречит элементарному чувству самозащиты нации. Мы ведем наступление на мировоззрение либералов так же, как и на марксистов. Для нас душа не равна душе, человек не равен человеку. Наша цель — сильный германский человек. Только исповедание неравенства дает Германии политическую свободу», —

ными словами, только исповедание неравенства может дать «свободу» произволу фашистской клики.

«Сильный германский человек» в понимании гитлеровского палача — это сборище пяти человекообразных крыс, говорящих на немецком языке, с наслаждением терзающих одного человека, потому что он — поляк! Но разве в этом не заключен прообраз всех действий фашизма и на международной арене? Подавление малых народов и издевательства над ними превозносятся гит-

леровцами как образец «силы германского человека»!

Приведя выдержку из статьи Альфреда Розенберга, представлявшей собою гнусный бред профессионального истязателя, Горький указывал:

«Вот этот бред и есть основное содержание фашизма... Для того, чтобы дожить до этого бреда, необходимо было «пережить» или «изжить» Гете и Канта, Шиллера и Фихте и еще добрую сотню крупнейших мыслителей, поэтов, творцов музыки, живописи».

В знаменитой статье «С кем вы, мастера культуры?» Горький призывал интеллигенцию всего мира дать отпор фашистской проповеди расовой ненависти: «Нужна ли она для вас, для детей ваших? И насколько полезна для вас проповедь «расовой чистоты», т. е. проповедь опять-таки расовой ненависти в Германии? Вот, например:

«Вождь гитлеровцев в Тюрингии Заукель предписал национал-социалистической группе Веймара протестовать против присутствия в Веймаре на предстоящем торжественном праздновании 100-летия со дня смерти Гете... Томаса Манна, Вальтера фон Моло и профессора Сорбонны Генри Лихтенберже. Заукель ставит в вину указанным лицам их не арийское происхождение».

Когда фашизм пришел к власти, он просто истребил, заключил в тюрьмы или выбросил из Германии множество честных интеллигентов, не желавших капитулировать перед Гитлером. О приходе гитлеровской банды к власти Горький сказал, что это «торжество» — «так же кратковременно, как крикливо, — такова недавняя подлая и кровавая победа тройного зловонного «Г» (Гитлер, Геббельс, Геринг)».

Горький призывал интеллигенцию всего мира к борьбе с «кастой безответственных хищников».

«Теоретики и практики фашизма — авантюристы... Фашизм выдвинул теорию права германской расы на власть во всем мире, над всеми расами... Эта теория права белой расы на единовластие в мире разрешает... рассматривать не только всех цветнокожих людей, но и белых своих соседей европейцев, как варваров, подлежащих порабощению или уничтожению» («О культурах»).

Мы видим, как подтверждаются в наши дни эти слова Горького. Для фашистов поляки — «народ слуг», призванный (!) обслуживать германских «господ», французы — «дикие свиньи», «помесь негров с евреями» и т. д. и т. п. Все народы, с точки зрения фашистских «теоретиков», неполноценны, кроме германского. Но и внутри германского народа необходим, по Гитлеру, — «аристократический» режим, потому что и здесь, оказы-

рается, множество «неполноценных людей»: это все те, кто испытывают чувство стыда за унижение немецкого народа фашистским отребьем!

Все расовые бредовые «концепции» фашизма служат только оправданию бандитизма; Горький указывал: «Фашизм и расовая теория — цинически обнаженная проповедь вооруженного грабежа» («О культурах»).

Великий гуманист, Горький звал к ненависти, к борьбе против «наглешего разбоя, каким является воинствующий фашизм», означающий «отрицание культуры, проповедь войны, крик обессиленного о желании быть сильным». Чем более разнузданно и свирепо проявляла себя гитлеровская банда, тем более ясной для Горького была ее внутренняя опустошенность. «Все более нагло, — писал он в 1935 году, — обнаруживает себя садическая, кровавая практика фашизма. Появилась, как «новое учение», дикая теория «расизма» — постыднейшая и бездарная выдумка старчески разжиженного, неизлечимо загнившего мозга».

Горький предвидел разворачивание отвратительнейших «возможностей» фашизма.

«Сегодня они проповедуют, — говорил Горький в 1934 году, — и уже осуществляют на подлой практике антисемитизм, завтра возвратятся к проповеди антиславянизма, вспомнив постыдные мнения о славянах... и забыв о том, сколько талант-

ливых людей дали немецкой культуре поляки, поморяне, чехи». Горький предвидел и провоцирование итлеровцами «вражды и войны германской расы против романской так же, как и против англо-саксонской».

Гитлеровские демагоги способны существовать только в обстановке всеобщей ненависти и вражды всех ко всем.

В статье «Краткий очерк скверной истории» (1934) Горький подводил итоги хозяйничанью фашистов в Германии: «Рост убийств, поощряемый безнаказанностью фашистов и полицейских, ежедневно и публично убивающих на улицах рабочих, воспитание в мелкой буржуазии «анархизма отчаянья», развитие самоубийств, рост проституции, в том числе детской, истощение физических сил населения»...

Фашизм не только истощает физические силы немецкого народа, но и оказывает морально-растлевающее влияние.

Как «воспитывает» фашизм детей?

«Психика этих подростков, — писал Горький, — характеризуется фактами такого рода: в Германии в первых числах текущего мая (1934 г. — В. Е.) в г. Эссене.

«Гейнц Христен, подросток 14 лет, убил своего приятеля Фрица Валькенгорста, мальчика 13 лет

Убийца хладнокровно рассказал, что вырыл для своего приятеля заранее могилу, бросил его туда живым и держал его лицом в песке до тех пор, пока Валькенгорст не задохся. Убийство он мотивировал тем, что очень хотел овладеть принадлежавшей Валькенгорсту формой гитлеровского ударника».

Этот подросток читал фашистские газеты, смотрел бездарные, но способные развратить неустойчивое воображение, фашистские фильмы, слушал гнусные «речи» Гитлеров, Геббельсов, Розенбергов. Очевидно, он решил, что его приятель, младший по возрасту, является «неполноценным человеком» и что «подвигом сильного германского человека» будет уничтожение слабого. Тем более, что у этого «неполноценного» Валькенгорста была вещь, приглянувшаяся юному «гитлеровскому ударнику», Гейнцу Христену! Взрослые и юные «гитлеровские ударники» действуют и в малых и в больших масштабах, — одинаковым способом, во имя одной цели: грабежа.

В истории человечества не было более темного явления, чем фашизм. Когда он будет уничтожен, человечество вспомнит о нем, как о фантастически мерзком кошмаре.

«Вооружая подростков и юношей, — говорил Горький, — кроме револьверов, отжившими идеями

национализма и расизма, воспитывая в молодежи социальный цинизм, садическую страсть к убийству, разрушению», — фашизм «обрабатывает» молодежь «как яд, который будет влит в кровь армии... вооруженной современной механической техникой человекоистребления». Понятно, что фашистам не могла удаться безумная затея отравить всю немецкую молодежь ядом человеконенавистничества. Но все же «не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном влиянии фашизма на молодежь... Перечислять факты противно, да и память отказывается загружаться грязью... Гомосексуализм, развращающий молодежь... в «культурной» стране великих философов и музыкантов... действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка «уничтожьте гомосексуалистов, — фашизм исчезнет»...

«Идеал» фашизма — это развязывание всех звериных инстинктов, разрушительных склонностей и страстей, подкрепленных «современной механической техникой человекоистребления».

Отвечая могучим ударом на удар, нанесенный вероломным врагом, мы знаем, что этот враг коварен, что он обладает звериной хитростью, что борьба будет упорной. Горький предупреждал: враг силен. «Руководимый страхом смерти, он будет жестоко бороться за остатки своей потрепанной жизни». Но мы знаем также, что наша Крас-

ная Армия сильна и первоклассной техникой, и великими идеями, — идеями свободы, чести социалистической родины, идеей отечественной войны. Нам прекрасно известно, какую силу придает бойцу сознание высокой идеи. Об этом просто и мудро рассказал молодой ученик Горького, — советский писатель, комсомолец Николай Островский в знаменитом романе «Как закалялась сталь». Вспомним сцену, в которой изображено, как герой романа, комсомолец Павел Корчагин, читает бойцам на фронте «Овод». Прослушав чтение, один из бойцов говорит: «Есть, значит, на свете такие люди. Так человек не выдержал бы, но как за идею пошел, так у него все это и получается...» Островский показал в своем романе, что именно сила идеи вела бойцов, когда они «семнадцать раз ходили в атаку» и все-таки брали города! Идейнность — такова единственная основа, на которой вырастает подлинный героизм. Этой силы нет у фашизма. Демагогия может служить только в качестве временного «заменителя», скоропортящегося суррогата.

«Фашизм, — говорил Горький, — это мобилизация и организация... нездоровых физически и морально... мобилизация юных потомков алкоголиков и сифилитиков, мобилизация истерических детей, пострадавших от впечатлений войны 1914—1918 гг.»...

Горький указывал, что фашисты — это отщепенцы, «одичавшие и требующие строгой изоляции или же еще более решительной меры пресечения их омерзительных кровавых преступлений». Одичавшим отщепенцам, говорил Горький, «нечем гордиться, кроме различных Гитлеров, кроме пигмеев, больных манией величия».

Горький неустанно вел свою антифашистскую борьбу. Открывая краткой речью первый всесоюзный съезд советских писателей в августе 1934 года, он особенно подчеркнул необходимость бороться против «кровавых попыток» современной реакции «возвратиться, путем фашизма, к изуверству феодального средневековья». В докладе на съезде Горький говорил о «гнойном нарыве», каким является Гитлер.

Ведя сегодня борьбу не на жизнь, а на смерть с полчищами германского фашизма, вторгшимися на нашу землю, — мы знаем, что Горький с нами в этой нашей грозной, священной отечественной войне! Горький с нами — как гениальный художник, каждой строчкой своих произведений участвующий в нашей борьбе. Горький — с нами, как страстный, пламенный публицист. Горький с нами как боец, как человек — Человек с большой буквы! А вместе с Горьким, с нами, в нашей отечественной войне, участвует и вся великая русская литература. Товарищ В. М. Молотов в своей

речи на траурном митинге 20 июня 1936 года указывал, что «по силе своего влияния на русскую литературу Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время».

Одною из наиболее замечательных традиций русской классической литературы была ее постоянная устремленность к героическому, — это даже дало в свое время основание для написания труда под названием: «Героический характер русской литературы». Несомненно, что в этой тяге нашей литературы к героическому страдался национальный характер нашего народа. Русская литература стремилась к изображению людей сильной воли, она мечтала о таком герое, который, как пушкинский «рыцарь», был бы «духом смелый и прямой», как гоголевский Тарас Бульба, был бы храбр, ясен и великодушен, как лермонтовский Мцыри, знал бы «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Наша литература воспитывала человека, любящего подвиги и умеющего совершать их, она мечтала о герою-бойце, всегда готовом к наступлению на все темные силы, враждебные чести, свободе и независимости народа и родины.

Горький продолжил и углубил эту славную традицию. Главным героем всего горьковского творчества был гордый человек, способный, подобно

юноше Данко, поднять свое сердце, как факел, указывающий людям дорогу к свету и к свободе. Наибольшей похвалой человеку в устах Горького были слова: «годен для драки»! Таким человеком, годным для упорной, героической борьбы, был машинист Нил, герой пьесы «Мещане», такими людьми были Павел Власов и его мать, воплощающая в себе лучшие качества русской женщины, — подлинная Мать русского народа, — такими людьми были герои пьесы «Враги» и других горьковских произведений, — борцы с темными силами реакции и мракобесия, представители великого русского народа.

Патриот своей родины, Горький с особенной радостью отмечал в своих произведениях все проявления любви к родине и национального самоуважения у рядовых, массовых русских людей.]

«И скажу тебе от сердца слово — хорош есть на земле русский народ!.. добротный, даровитый народ!» — говорит «мастеровой человек» Тиунов в повести «Городок Окуров».

Сапожник Перфишка из повести «Трое», испытавший множество несчастий на своем веку, рассказывает бойкой частушечной речью: «не били меня, милого, только печкой, а об печку — сколько угодно! А хоть меня и били и кожу с меня лупили и кровь сосали и на пол бросали — русский человек живуч! Хоть толки его в ступе —

он все на свое место вступит! Ха-ароший, крепкий человек».

«Вспомнился мне, — рассказывает Горький, — человек на пристани «Пьяного бора» на Каме, высокий, русский молодец с лицом озорника и хитрыми глазами. Было воскресенье, жаркий праздничный день, когда всё с земли смотрит на солнце своей лучшей стороной и точно говорит ему, что недавно оно потратило светлую силу, живое золото свое... Человек улыбался, все хмельней становилась улыбка молодого — в темной бородке лица, все ярче разгоралось оно радостью, и вдруг, сорвав картуз с головы, парень с сильным размахом шлепнул его в воду золотой реки и закрычал:

— Эх, Кама-матушка родная, — люблю! Не сдам... Много видел я хорошего».

Горький прекрасно чувствовал и знал широту, размах, богатырскую выносливость своего народа. Горьковская автобиографическая трилогия — «Детство», «В людях», «Мои университеты» — является одновременно и повествованием о русском народе, о его силе, способной преодолеть все и всяческие препятствия. Характер героя горьковской автобиографической трилогии глубоко и полномерно выражает русский национальный характер.

«Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым», — говорил Горький.

Именно это глубокое знание творческой мощи русского народа дало Горькому возможность его гениального предвидения, которое он вложил в уста одного из героев романа «Мать»:

«— Какие хорошие люди, Ниловна! Я говорю о молодых рабочих — крепкие, чуткие, полные жажды все понять. Смотришь на них и видишь — Россия будет самой яркой демократией земли!»

Как блестяще оправдались эти пророческие слова! Да, наша родина стала самой яркой демократией земли. Сталинская Конституция — самая демократическая конституция из всех, известных человечеству. Горький знал, что в борьбе за родину, за Сталина, героический советский народ покажет подлинные чудеса храбрости и инициативы, потому что «нам (каждому из нас) принадлежит богатейшая страна мира, разнообразная по ее природным условиям, по обилию ископаемых сокровищ, по разнообразию и талантливости ее населения».

Горький гордился прошлым своего народа. Вспомним, к примеру, запись в дневнике Матвея Кожемякина:

«Рассказывал сегодня Марк, как чужеземцы писали о русском народе в древности; один греческий царь сказал: «народы славянские столь дорожат своей честью и свободой, что их никаким способом нельзя уговорить повиноваться». Арабы

тоже весьма похвально писали, норвежане и другие, все замечая, что, де, народ умный, трудолюбивый и смелый... Фридрих, царь немецкий, говорил, что «народ глуп... подозрителен»...

Не удивительна брань по адресу нашего народа в устах Фридриха. Наш народ дал ему почувствовать русскую силу. Мы хорошо помним, что наши войска были в Берлине.

Горький призывал изучать прошлое родины. В наши дни полно особым значением напоминание Горького о том, что в начале прошлого столетия «этой «великой» мечтой (о гегемонии одного народа над всеми другими. — В. Е.) был пленен... Наполеон Бонапарте... Известно, что тогда, собрав всех солдат Европы, Наполеон ходил в Москву, где орлы его отморозили крылья...

Оглядываться на прошлое следует, история — не плохой учитель».

Армия Наполеона Бонапарта, по тем временам, была сильной армией. Но мы знаем, чем кончилось состязание «трехнедельного удальца» со «старым русским великаном». Об этом чудесно рассказал наш героический поэт, бывший — наряду с Пушкиным — любимейшим поэтом Горького, — Михаил Юрьевич Лермонтов:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ;
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою....
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Наполеон был силен, — но в сравнении с русским великаном он оказался слабым. Что же сказать о Гитлере, вообразившем себя Наполеоном!

Болтливый маньяк, Гитлер похвалялся в своей разбойничьей книжонке «Моя борьба», что он хочет «вернуться к тому пункту», на котором прервалась немецкая агрессия в России «600 лет назад»! Он, конечно, имеет в виду захват немецкими «псами-рыцарями» русских земель в 1240—1241 гг. и кровавый грабеж новгородской земли. Но кто же «прервал» тогда знаменитую германскую «свинью»? Александр Невский разбил агрессоров «на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены от русской границы» (Маркс).

К этому «пункту» хочет «вернуться» Гитлер?

Как видим, современный «трехнедельный удалец» даже не умеет ясно и грамотно излагать свои «мысли». Но он может быть уверен в том, что русский, украинский, белорусский и другие братские советские народы «вернут» и его к тому «пункту», к которому они возвращали разнообразных любителей вооруженного грабежа!

О той битве, которую мы ведем сейчас, Горький сказал:

«Это будет битва, где против армии обманутых рабов, защитников бесчеловечной власти... встанет армия, каждый боец которой будет хорошо знать и чувствовать, что он бьется за свою свободу, за свое право быть единственным властелином своей страны. Этот боец и победит».

По всему складу своего характера Горький был подлинным бойцом. Старый сормовский рабочий Петр Заломов, послуживший прототипом Павла Власова, рассказывает в своих воспоминаниях:

«Горький при первой встрече обнял меня и крепко поцеловал... Я сказал ему, что ничего лучшего, чем «Песня о Соколе», он никогда не напишет и что в бою я загорожу его грудью. На это он ответил: «Я тоже загорожу вас своей грудью в бою».

В одной из статей последних лет Горький сказал, что он, старик, пойдет рядовым бойцом в тот бой, который предстоит Красной Армии. Ар-

мня, рядовым бойцом которой мечтал быть такой Человек, как Горький, — эта армия непобедима!

Горький воспитывал своими произведениями и статьями людей, годных для драки. «Жизнь требует людей сильных и выносливых», — подчеркивал он в своем «Ответе корреспондентам» (1929 г.). Статья Горького под названием «Рабочим Магнитостроя и другим» (1931 г.) заканчивалась словами, которые в наши дни звучат, как горьковский завет каждому из нас. Горький встает перед нами, «как живой с живыми говоря»:

«Ваша сила — несокрушима, товарищи, вы доказали это в гражданской битве, и вы ежедневно доказываете это своим героическим трудом. Ваша сила — несокрушима, и она обеспечивает вам победу над всеми препятствиями. Вы должны все преодолеть и — преодолете. Крепко жму могучие ваши лапы».

Герои-летчики, танкисты, советские моряки, могучая советская пехота, рабочие фабрик и заводов, колхозники, служащие советских учреждений, советская интеллигенция! Это — всем нам говорит наш родной, наш любимый, великий русский Человек, наш гордый Сокол, наш Максимыч!

Да, мы должны все преодолеть и — преодолеем. Мы, советские люди всех наций, привыкли и к радостям, и к трудностям. Мы — народ Ленина и Сталина, Ломоносова и Радищева, Суворова и

Кутузова, Белинского и Чернышевского, Шевченко и Руставели, Чкалова и Папанина, Горького и Павлова. Мы — народ богатырей. Мы умеем работать, умеем драться, знаем цену счастья, знаем гордую радость трудностей. Поэзия нашей сегодняшней героической жизни, о которой столетия спустя еще будут складывать величественные поэмы и песни, — эта поэзия выражена в великолепных словах Маяковского: «День наш тем и хорош, что труден. Эта песня песней будет наших бед, побед, буден».

Настали военные будни! На какой бы срок ни растянулись они, — каждая их минута будет согрета чувством патриотической гордости. Разве мы, русские, украинцы, белоруссы, литовцы, эстонцы, латыши, грузины, карелы, армяне, азербайджанцы и другие народы Советского Союза — разве все мы можем не гордиться тем, что именно нам, нашим народам, предназначено историей драться на форпостах всего современного прогрессивного человечества с кровавым чудовищем фашизма и столкнуть это чудовище в могилу! Нашей борьбе сочувствуют все честные люди на земном шаре, с нами — все лучшее, что было и есть в истории всех народов, все славные традиции, все героические заветы.

В речи к красноармейцам, отправлявшимся в бой, на митинге в Пензе в 1919 году, тов.

М. И. Калинин говорил, что «только тогда и цепится человек и называется великим, когда он выполняет трудную задачу. Тот человек, который выполнил только легкую задачу, — это еще не крупный человек. Тот народ, который перешел только через маленькие препятствия, — он не называется великим народом; только тот народ, который поборол величайшие препятствия, претерпел величайшие горести, только такой народ называется великим».

Это героическое самосознание нашего народа сказалось в гордых стихах Маяковского: «Но скажите мне, калеки и калекши: где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче?»

История указала нам путь не протоптанный и не легкий.

Но наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Фашизм боится правды. Поэтому фашистские палачи сожгли на варварских своих кострах книги Горького. Поэтому же они купили предателей из уничтоженной нами «пятой колонны» и подослали наемных убийц в дом Горького.

Но Горький жив. Он с нами, — в трудах и в бою. И с новой силой звучат слова нашего Горького:

— Если враг не сдается — его уничтожают!

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА УЧАСТВУЕТ В НАШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Слова товарища Ворошилова о том, что русский народ умеет воевать, подтверждаются всей историей нашей родины. Они подтверждаются и нашей отечественной литературой. Трудно указать другую литературу, которая отдавала бы столько поэтической силы и страсти воспеванию беззаветно смелой борьбы за свободу и независимость родины. Слава и честь русского оружия, воспоминания о прошлых битвах, трудностях и победах вдохновляли русскую поэзию. Вспомним пушкинскую картину грозного Полтавского боя:

«И се — равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами...

...И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят...

...Но близок, близок миг победы...
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит:
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И надшими вся степь покрылась...
...Пирует П е т р. И горд и ясен
И славы полон взор его...»

Русскому народу хорошо известна радость победы в трудном и упорном бою. Мы бережно храним наши национальные героические, боевые традиции. Эта преемственность любви к родине, передающейся из поколения к поколению, звучит в стихах Жуковского «Певец во стане русских воинов»:

«Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сест. нам предтеча в бой,
Погибель над врагами...»

Русские воины шли в бой, вспоминая о военной силе, храбрости, доблести предков, о славе Петра, о суворовских традициях.

Суворов принадлежит к числу тех великих русских полководцев, которые с наибольшей полнотой и глубиной выражали русский национальный ха-

рактиер. Великолепно разработанная тактика неожиданного, знаменитого суворовского удара, ошеломлявшего врагов, прославленная суворовская штыковая атака — все это отражало наступательную волю русского бойца, благородное стремление сойтись лицом к лицу с врагом и нанести ему сокрушительный удар: «Какой восторг!» — как писал Суворов в своей «Науке побеждать».

«Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..» («Бородино»).

Сила русского штыка известна всему миру. Это одна из особенностей русского военного искусства, неизвестная другим армиям. Она связана с глубоко своеобразными чертами русского солдата, гениально понятыми Суворовым. В самом деле, железная суворовская дисциплина основывалась на правиле: каждый солдат «должен знать свой маневр», то есть на сознательности бойца. Дисциплина же прусской армии Фридриха держалась на бездушной, палочной муштре. Фридрих считал, что немецкий солдат должен больше бояться своего капрала, чем неприятеля. Солдат никогда не был для немецкого командования человеком: он всегда был скотом или автоматом, обязанным бездумно подчиняться приказаниям. Откуда же было взять немецкому солдату наступательную

страсть, с такой силой проявляющуюся в суворовском штыковом ударе? Солдаты с восторгом проходили суворовскую учебу штыкового боя, потому что она была им по душе. Знаменитый английский поэт Байрон, страстный поклонник Суворова, отмечал суворовскую любовь к штыку:

«Все Суворов обсудил, все взвесил,
И, готовясь к битве славной,
Учил солдат владеть штыком исправно.»

(«Дон Жуан»).

Наша Красная Армия вооружена первоклассной, передовой техникой, множеством танков и самолетов. Она является могущественной современной армией. И все же штыковой удар отнюдь не потерял и в наши дни своего значения. Он символизирует наступательную волю Красной Армии, инициативу, храбрость, сметливость нашего бойца.

Немецко-фашистское командование рассчитывает только на технику. Но военная техника без живого человеческого энтузиазма, не согретая страстью бойца, неизбежно уступит такой военной технике, которая сильна не только сама по себе, но служит сознательной воле бойцов, хорошо понимающих, за что они борются.

Фашистские войска боятся вступать в непосредственное соприкосновение с нашими войсками, в

то время как наши бойцы рвутся к прямому столкновению с врагом.

В знаменитом суворовском наставлении солдатам сказано: «Богатырь заколет штыком полдюжины, -- больше!»

Верная славным традициям, наша Красная Армия доказывает правильность этого суворовского наставления.

Фашисты не выдерживают нашего штыкового удара. Все больше отмечается случаев, когда наш боец уничтожает пять, шесть, а то и восемь фашистов! В «Военной песне» народного поэта Кольцова мы с радостью встречаем слова, которые так и просятся стать боевой песней:

«Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому;
Как служиш ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину,
.....
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилось!»

Недавно в «Комсомольской правде» мы читали корреспонденцию из действующей армии тов. Л. Хвата под названием «Суворовский удар»:

«Поле боя свидетельствует о страшном разгроме, которому подверглись здесь германо-румынские войска.

Как это произошло?

Один пехотный и два артиллерийских полка противника вторглись на советскую территорию. Наша разведка точно установила местонахождение и силы врагов. Они превосходили численность частей Красной Армии, действовавших на этом участке фронта. Враги двигались по шоссе — по дороге походной колонной, растянувшейся на несколько километров. В колонне было много артиллерии, тяжелых грузовиков, боеприпасов.

Разгромить фашистов неожиданным, суворовским ударом — таков был приказ командования.

Походной колонне врага была дана возможность беспрепятственно втянуться в очень невыгодную для него ложину. Враг не подозревал, что через несколько часов эта ложина станет долиной смерти сотен солдат и офицеров германо-румынских войск.

Близился вечер. Внезапно на головную часть колонны посыпался ливень смертоносного металла. Красные артиллеристы открыли лобовой огонь по противнику с короткой дистанции. Разведчики на бронемашинах вырывались вперед и в упор расстреливали врага. Капитан Мышак, старший лейтенант Долгих возглавляли героические отряды разведчиков. С флангов доблестные пехотинцы подразделения майора Вруцкого косили фашистов из пулеметов и винтовок. Залпы тяжелой артиллерии преградили противнику путь к отхо-

ду. На шоссе началась безумная паника. Водители семитонных грузовиков, тянувших тяжелую артиллерию, пытались повернуть обратно, но сталкивались с другими машинами, запрудившими дорогу. Вздвигнувшиеся кони рвали построения, давили вражеских солдат. Их трупы, изуродованные и растерзанные, валялись под колеса своих же грузовиков и орудий. Обезумевшие от ужаса артиллеристы не слушали команды офицеров, бросали орудия, скидывали с себя обмундирование, обувь, бежали куда попало. Красные бойцы огненным кольцом сжимали врага. Многие пули советских снайперов наповал поражали фашистских офицеров, пытавшихся в этом хаосе организовать хотя бы какое-либо подобие обороны. Красноармеец Сокур забрался в тыл фашистам и разил их свинцовым огнем из пулемета. Затем, приблизившись, забросал фашистов ручными гранатами. Бандиты сдавались в плен одному бойцу! Трупы врагов лежали горами возле молчащих пушек.

Но недолго молчали вражеские орудия. Подоспевшие красные артиллеристы повернули их дула на 180 градусов и открыли ураганный огонь по бегущим врагам из их же пушек. Старший лейтенант Кудрявцев с группой бойцов бросился на германо-румынскую роту, пытавшуюся обороняться. Забросав фашистов гранатами, бойцы начали расстреливать их из винтовок. А когда пат-

роны кончились, Кудрявцев со своим отрядом бросился в штыковую атаку. Остатки рот обратились в бегство.

Операция закончилась в темноте. На поле сражения лежали сотни убитых и раненых. Около двухсот солдат и офицеров были взяты в плен. Красным бойцам сдались полковники, подполковники, капитаны, десятки младших офицеров.

Пленный румынский полковник с горечью рассказывает:

— Удар ваших красных войск был идеально подготовлен. Он подействовал ошеломляюще на наши части, вызвал полную панику. Уже через несколько минут после вашего внезапного нападения я понял, что гибель наших полков неизбежна. Но я не мог понять, откуда здесь появились красноармейцы? Ведь германская авиоразведка, тщательно обследовавшая этот участок, твердо уверяла, что ваших войск здесь нет. Мы двигались абсолютно спокойно, и вдруг, как из-под земли, ударили ваши... Молниеносный удар в лоб и с флангов парализовал наши части. Я увидел, что разгром неизбежен. Невозможно было разобраться в окружающей обстановке. Мне казалось, что мы окружены крупными силами Красной Армии. Только потом я узнал, что наши полки были разгромлены значительно меньшими силами. Что оставалось делать? Я лишь два раза

успел отдать команду отдельному тяжелому артиллерийскому дивизиону...

Так вновь оживают суворовские традиции. Так умножают боевую славу нашего отечественного оружия бойцы Красной Армии. Так оправдываются слова Суворова: «Русские прусских всегда бивали...»

В «Войне и мире» Л. Толстого молодой Андрей Болконский спорит о Наполеоне Бонапарте со своим отцом, старым служакой, соратником Суворова. Старик Болконский посмеивается над слухами о непобедимости Наполеона. «Смейтесь как хотите, — говорит ему Андрей, — а Бонапарте все-таки великий полководец!» Старик отвечает: «Бонапарте в рубашке родился. Солдаты у него прекрасные. Да и на первых он на немцев напал. А немцев только ленивый не бил. С тех пор, как мир стоит, немцев все били. А они ничего. Только друг друга. Он на них свою славу сделал».

Бандиты из гитлеровской шайки до сих пор одерживали победы только над малыми народами или над народами, ставшими жертвами подлой и трусливой измены Иуд из своих правительств и верховного командования. Сейчас фашистские убийцы впервые столкнулись с современной армией и с народом, воодушевленным небывалым единством, с народом, хранящим суворовские традиции, с народом, идущим к победе под испытанным руковод-

ством Сталина! Народы Советского Союза напомним гитлеровской обезумевшей банде о тех временах, когда «русские прусских бивали», о тех временах, когда наши победоносные войска разгромили армию прусского короля Фридриха, столь расхваливаемого фашистскими писателями!

Героизм нашего народа чужд и враждебен легкомыслию, бахвальству, наигранности. Это суровый героизм, трезво оценивающий все трудности борьбы. В наши дни, когда победа над врагом решается лишь величайшим напряжением всех физических и моральных сил народа, особенно уместно вспомнить слова стихотворения Майкова «Перед войной»:

«Враг могуч и хитер! по местам, по местам!
И настороже око и ухо:
Бой повсюду пойдет, — по земле, по морям,
И в невидимой области духа».

Побеждает тот, у кого крепче нервы, кто с презрением отбрасывает трусов, беспощадно борется с ланикерами, дезертирами; побеждает тот, кого вдохновляет могучая, справедливая, человеческая идея, кто силен в «невидимой области духа». Этой силы идеи нет и не может быть у фашистского зверья. Солдат, которому командование отдаст на разграбление дома и имущество мирных жителей, офицер, который тащит с собой отнятые

у населения вещи, вплоть до женского белья и губной помады, — это не солдат и не офицер: это грабитель. Генерал, расстреливающий и пытающий пленных, приказывающий добивать раненых, — это не генерал, а палач, атаман грабительской шайки. А именно таковы нравы немецкой армии. Это армия, которая содержит в себе начало разложения. Под ударами Красной Армии все чаще и глубже будет сказываться разложение в фашистских частях.

Наш боец страшен и беспощаден в бою, — но пленного, обезоруженного, обезвреженного врага он не подвергает ни мучениям, ни обидам. И тому и другому — и беспощадности в бою и недопустимости обижать мирных жителей и пленных — учил еще Суворов. «Солдат — не грабитель» — так сказано в суворовском наставлении. Боец Красной Армии, воодушевленный бессмертными идеями своей великой родины, — это благородный, беззаветно смелый, подлинный воин! Именно поэтому так близко и дорого нашему бойцу все лучшее, что есть в истории нашего народа и в его гениальной литературе. Самые прекрасные, величественные образы отечественной литературы, лучшие ее страницы звучат так, как если бы они были созданы сейчас, в дни нашей священной отечественной войны, как если бы слова наших гениальных писателей и героев их

произведений произносились нашими славными бойцами и командирами. Вспомним речь Тараса Бульбы перед боем:

«Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас... расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказания... И когда все было сделано, как нужно, сказал речь казакам..

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... Нет уз святее товарищества. Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы, любит и зверь свое дитя! Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь: и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово — видишь: нет! Умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, что ни есть в тебе — а..!» сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою и усом моргнул и сказал: «Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают... все, что такое значит в русской земле товарищество».

Все творчество Гоголя само по себе было выра-

жением братского товарищества, нерушимой дружбы двух славянских народов: русского и украинского. Создавая свои произведения на русском языке, Гоголь и в «Тарасе» и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» с изумительной тонкостью и глубиной выразил национальный характер украинского народа, его внутреннюю поэтичность, музыкальность, благородство, талантливость. Точно так же гениальный украинский поэт Тарас Шевченко, создававший свои творения на украинском языке, сумел отобразить в них сущность передовой русской культуры своей эпохи, идеи Чернышевского, Некрасова, Добролюбова.

Нерушима вековая дружба братских народов!

Фашистские мерзавцы, тупицы, невежды, гордящиеся своей арийской «чистокровностью» точно так же, как могли бы гордиться своей чистокровностью свиньи, — нагло, тупо хрюкают в своих «речах» и «статьях»:

«Немцы — раса, славяне — масса рабов. Нужно, чтобы нерархия господ поработила массу славян».

Так заявляет главная фашистская кровавая свинья — истерик и убийца, людоед Гитлер.

Фашисты истребляют польский, чешский, сербский и другие славянские народы, они грязно клеветают на эти народы. Издающийся в Варшаве фашистский листок «Варшауэр цейтунг» призы-

вает к антипольским погромам на следующем основании:

«Поляки — представители славянских народов. Ясно, что они не заслужили хорошего обращения. Мы не можем равнять себя с этими тварями».

«Поляки, — клеветает другой фашистский огромный листок «Остлянд», — неряшливы и ленивы. Основная масса польского населения — это тупые и безграмотные люди. Необходимо ясно и недвусмысленно сказать, что не существует цивилизованного польского народа». Так говорят палачи о польском народе, давшем миру Шопена и Мицкевича, Словацкого и Кюри-Складовскую! Точно так же говорят они о талантливом, мужественном чешском народе и о других славянских народах. Русский народ, самый сильный в семье славянских народов, особенно ненавистен и страшен кровавому фашизму.

«...Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славян кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долго будет сон гостей
На тесном хладном новоселье
Под знаком северных полей!»

Грозным пророчеством звучит в наши дни это торжественное пушкинское предупреждение врагам. Уже сотни тысяч врагов нашли себе могилу на наших полях под сокрушительными ударами Красной Армии.

Наиболее отвратительные и тупые представители прусского «военного духа» еще в прежнее время утверждали, что «славян нужно прижать к стенке» и что вообще все народы необходимо подчинить германскому господству. Великий русский сатирик Салтыков-Щедрин, со свойственной ему силой презрения и ненависти, разоблачал преступное стремление наглой прусской военщины подчинить весь мир солдатскому сапогу. В очерке Щедрина «Берлин» мы читаем:

«...В настоящее время от всех качеств осталось за Берлином одно: головная боль, которая и доныне свинцовой тучей продолжает царить над городом. Все прочее радикально изменилось. Застенчивость сменилась самодовольством, политическая уклончивость — ничем не оправдываемой претензией на вселенское господство...

...Трудно представить себе что-нибудь более унылое, нежели улицы Берлина. Недостатка в движении, конечно, нет, но это какое-то озабоченное, почти вымученное движение, как будто всем этимдвигающимся взад и вперед людям до смерти хочется куда-то убежать. Каждому удаляющемуся экипажу так и хочется крикнуть вслед: счастливцев! Ты, конечно, оставляешь Берлин навсегда!..

...Но самый гнетущий элемент берлинской уличной жизни — это военный... Делается положитель-

но тесно, когда по улице проходит прусский офицер... Грудь выпячена колесом, усы закручены в колечко... Мне кажется, что Держиморда именно был бы таков, если б не заел его Сквозник-Дмухановский...

Русский человек способен быть действительно героем, но это не выпячивает ему грудь и не заставляет таращить глаза. Он смотрит на геройство без панибратства и, очевидно, понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собою, в числе прочей амуниции. Напротив, пруссак убежден, что раз он произведен, с соизволения начальства, в герои, раз ему воздвигнут на Королевской площади памятник, то он обязывается с честью носить это звание не только на улицах, но и в садах Орфеума. Разумеется, простых людей это стесняет...

Может быть, поэтому-то и берлинская веселость имеет какой-то неискренний мрачный характер... А, между тем, не веселиться — нельзя... Ежели он (берлинец) не будет веселиться, то не скажет ли об нем Европа: вот он прошел с огнем и мечом половину цивилизованного мира, а остался все тем же скорбным главою берлинцем... Не скажут ли и самые «герои»: мы завалили вас лаврами, а вы ходите как заспанные — ужели нужно

и еще разорить какую-нибудь страну, чтобы разбудить вас?

И вот берлинец начинает веселиться.

...Одним словом, вопрос, для чего нужен Берлин, оказывается вовсе не столь праздным, как это может представиться с первого взгляда. Да и ответ на него не особенно затруднителен, так как вся суть современного Берлина, все мировое значение его сосредоточены в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название: «Главный штаб...»

Щедрин прекрасно определил особенность русского героизма и фальшь надутой прусской офицерской спеси. Героизм не может вдохновляться стремлениями к порабощению народов, человеконенавистничеством. Потому-то прусский офицерский «героизм» — глупая поза Держиморды, вообразившего себя представителем «вышей расы», призванной «онемечить» весь мир. Фашизм довел эти стремления к онемечиванию народов до чудовищного, невиданного в истории, кровавого безумия.

Поэт Я. Полонский говорил о губительности стремлений к мировому господству, к порабощению наций в своем обращении «К немецкому народу»:

«Твои трофеи — символы печали,
Тоски и ужасов. — «Довольно!» — восклицали
Все, для которых идеал —

То человечности, то правды, то свободы —
Ты так роскошно в блеск и звуки облакал,
Когда к лобзанию призывал
Устами Шпаллера весь мир и все народы». —
Все изменилось!

И далее, продолжая свое обращение к немецкому народу, поэт бросает гневные строфы:

«Венчая славою безправственный успех,
Инстинктам дикаря послушен,
Теперь ты, как палач, стоишь в виду у всех,
И к воплям жертвы равнодушен.
И тот лишь у тебя великий патриот,
Кто из презрительного чувства
К другим народам, — говорит,
Что сам господь тебе велит
Восток и Запад онемечить!»

Немецкие захватчики получали жестокие уроки от русского народа: псы-рыцари были наголову разбиты Александром Невским; Фридрих II был близок к самоубийству после разгрома его войск русской армией и взятия нашими победоносными войсками Берлина.

И все-таки Гитлер, со своей манией величия, полез на нашу землю!

Недавно посол Англии в Соединенных штатах Америки Галифакс, выступая в Сан-Франциско с речью, сказал: Гитлер ведет борьбу по расписанию, и если его целью была русская нефть, то после 3 с лишним недель войны он не приблизился к ней.

Свое «расписание» Гитлер основывает на бредовых, безумных «теориях» и на методичности своих генералов. Но мы хорошо знаем, чего стоит «методичность» и «календарная» точность немецких генералов в тех случаях, когда речь идет не о войне с малыми народами и когда немецкому командованию не помогают Иуды вроде предателей из французского правительства. Фридрих II, прозванный немецкими подхалимствующими историками «великим», и его генералы были воплощением хваленной «методичности». Это не спасло их от жестокого разгрома. Вспомним фон Пфуля, Вейротера и других немецких штабных педантов, изображенных в «Войне и мире», с их непоколебимой, специфической самоуверенностью ограниченных схематиков, с их методически-унылыми планами, в которых, казалось бы, все было предусмотрено: *Die erste Kolonne marschirt, die zweite Kolonne marschirt, die dritte Kolonne marschirt!* и т. д., — читал Вейротер на военном совете генералам «самоуверенно, как школьникам-ученикам, свою диспозицию». А на деле все планы, выработанные с точностью расписания, полетели к черту!

У немецких генералов, служащих Гитлеру, тоже «все было предусмотрено»: *die erste Kolonne*

¹ «Первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна марширует».

marschirt в десять дней к Киеву, die zweite Kolonne marschirt к другому, не менее соблазнительному пункту, и Гитлер через две недели получает русскую нефть и пшеницу. Но прошло уже больше месяца со дня воровского нападения фашистских банд на великую советскую землю, а ни пшеницы, ни нефти, ничего, кроме сотен тысяч трупов немецких солдат, Гитлер и его генералы не получили!

Армия, состоящая частью из головорезов, частью из людей, превращенных в автоматы, — такая армия не может побеждать в настоящих, серьезных войнах. Побеждают армии, знающие, что они борются за счастье, за свободу, за достоинство человека, за честь родины. Мы бьемся за избавление человечества от смертельной угрозы рабства, истребления, гибели всей мировой культуры.

Народ поднялся на отечественную войну.

Лев Толстой указывал в «Войне и мире», что причиной гибели армии Наполеона был «характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе».

Ненависть всех народов Советского Союза к людоеду Гитлеру беспощадна, неизмерима, это та священная ненависть, которая не может не победить!

«Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов».

(Пушкин «Клеветникам России»).

Вся великая русская литература участвует, вместе с нами, в нашей грозной, в нашей священной, отечественной войне. Иначе и не может быть, потому что русская литература — гордость нашего народа — знаменита тем, что она отстаивала нетленные, бессмертные идеи свободы, чести, справедливости, уважения к человеку и его достоинству. Нет такой силы, которая могла бы уничтожить эти идеи, заставить человечество забыть о них.

На нашей стороне разум и правда. На стороне врага кровавое безумие и ложь.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Горький — борец против фашизма	3
Большая русская литература участвует в на- шей отечественной войне	25

**В БИБЛИОТЕКЕ «ОГОНЕК» ВЫШЛИ И ВЫХОДЯТ
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:**

ГЮИ ДЕ МОПАССАН. Мадмуазель Фифи.

А. ЧАКОВСКИЙ. Кого фашисты сжигают.

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ. Морские рассказы.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ. Семен Котко.

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ ЗАПАДНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ.

ЗА РОДИНУ! ЗА СТАЛИНА!

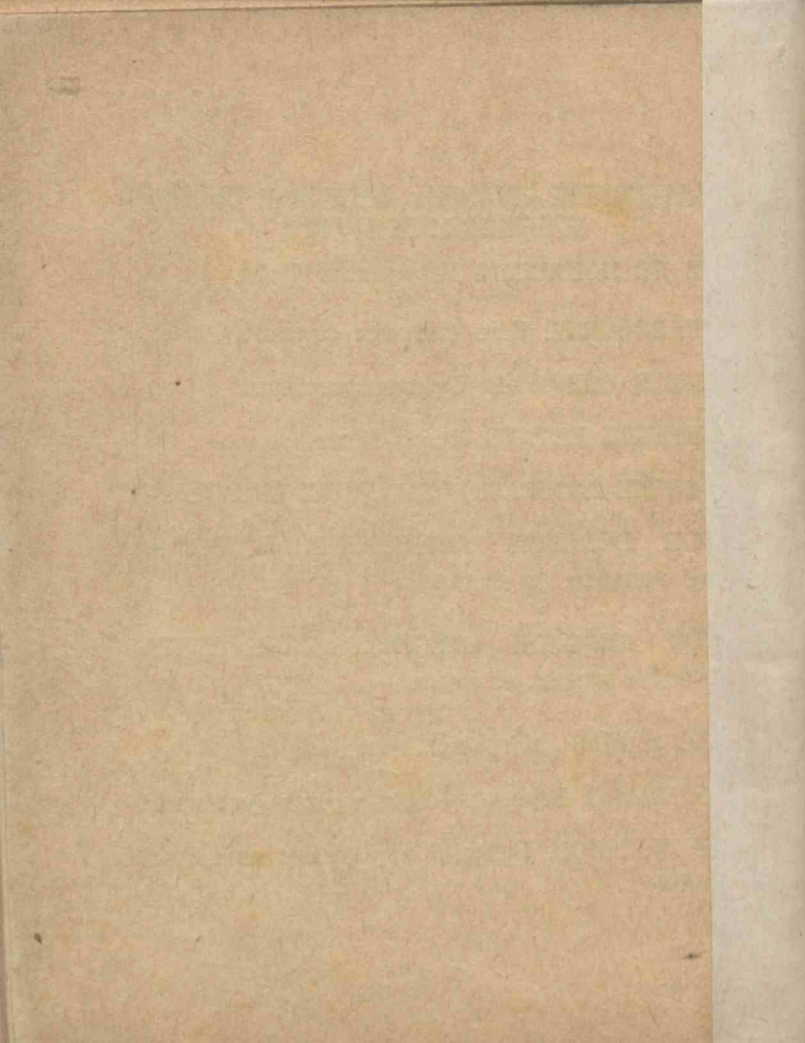
ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ.

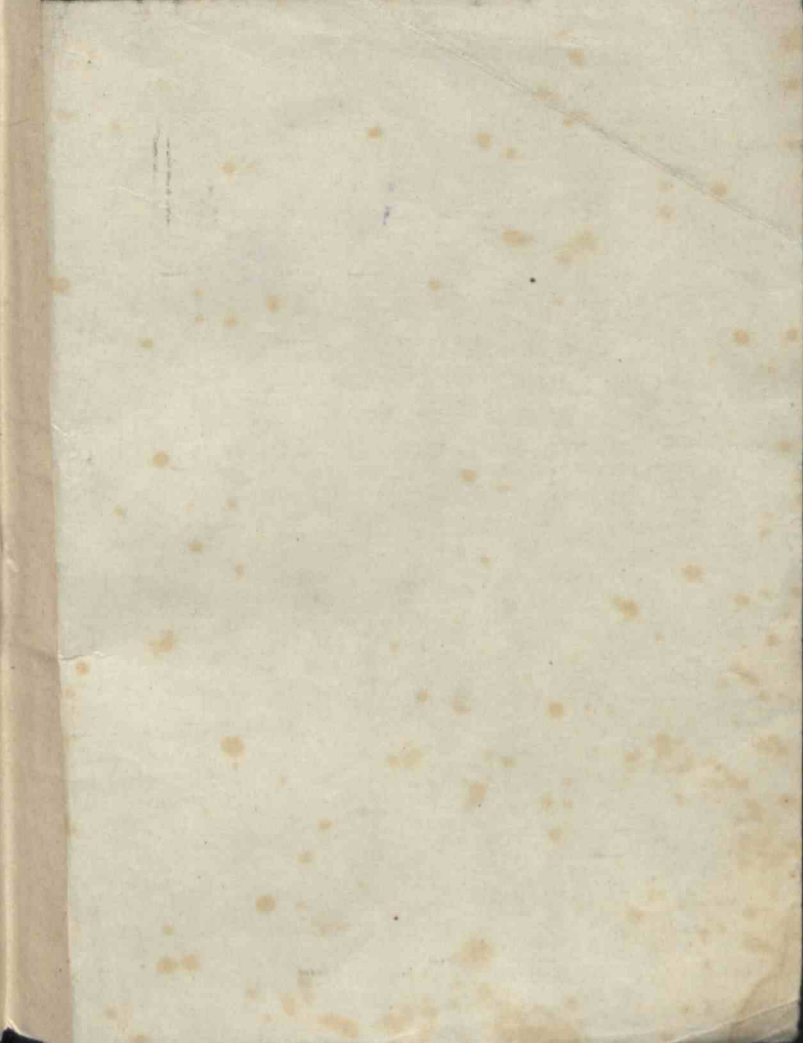
ПОВЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

МАКС ЗИНГЕР. Патриоты наших морей.

В. ЕРМИЛОВ. Горький — борец против фашизма.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Война и мир (главы из третьей части).

Цена 20 коп.